

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ СЕВЕРОВОСТОЧНОГО КИТАЯ 1919–1949 ГОДОВ)

В статье выделяются основные критерии, которые определяют региональные особенности литературы Северо-Восточного Китая первой половины XX в. Географическое положение, специфика исторического и социально-экономического развития Маньчжурии, наличие диалектных различий обусловили появление в регионе целой плеяды талантливых писателей (Сяо Цзюнь, Сяо Хун, Дуаньму Хунлян, Шу Цюнь, Бай Лан, Цао Мин и др.). Эти литераторы через художественные хронотопы в своих прозаических произведениях создали образ малой родины.

Ключевые слова: региональные особенности, Маньчжурия, Северо-Восточный Китай, диалектика общего, единичного, особенного, хронотоп, история китайской прозы.

Современный мир существует в рамках двух противостоящих друг другу и взаимодействующих тенденций. С одной стороны, имеет место политико-экономическая глобализация, с другой – культурно-психологическая этнизация человеческого сознания. Поиски идентичности касаются не только наций и государств, но и регионов. Стремление к выражению региональной специфики существовало и прежде, оно было представлено в художественной культуре, в том числе и в литературе.

При изучении китайской классической литературы в российском китаеведении использовался принятый в самом Китае династийный принцип периодизации литературного процесса, сочетавший в себе именно проявление пространственно-временного континуума. Китайская литература XX в. и китайскими, и советскими исследователями тесно связывалась исключительно с общественно-политическими событиями. В Китае этот принцип распространялся как на всю китайскую литературу, так и на литературу отдельных регионов. Отметим, что литература Северо-Восточного Китая первой половины XX в. была настолько своеобразна, что практически все истории современной китайской литературы выделяют ее для отдельного анализа (см., например: [Хуан Сюи, 2003. С. 426–435; История современной китайской..., 1999. С. 310–317; 1988. С. 6–11; Два берега..., 1988. С. 426–431]).

Традиционным стало также перечисление имен писателей – выходцев из Дунбэя, собственно и создававших литературу этого региона: Сяо Цзюнь (萧军), Сяо Хун (萧红), Дуаньму Хунлян (端木蕻良), Шу Цюнь (舒群), Ло Фэн (罗凤), Ло Бинци (骆宾基), Бай Лан (白朗), Ли Хуйин (李慧英) и др. Их творчество подробно рассматривается в обобщающих трудах по истории дунбэйской литературы, изданных в КНР [История..., 1989; 1996].

Говоря о региональном подходе к изучению китайской литературы, следует отметить и описание китайскими литературоведами так называемых пекинской (京派) и шанхайской (海派) писательских группировок. Кроме принадлежности обеих группировок к либеральной литературе [Серебряков и др., 2005. С. 161], их объединяла и связь с двумя крупнейшими городами Китая, атмосферу жизни которых, ее особенности писатели отражали в своих произведениях. Лу Синь писал по этому поводу: «Пекин – столица династий Мин и Цин, Шанхай является сэттльментом различных иностранных государств, в императорской столице больше чиновников, в сэттльменте больше торговцев, поэтому литераторам – пекинцам ближе чиновники, шанхайцам ближе торговцы. Те, кто ближе к чиновникам, получают славу, те, кто ближе к торговцам, – выгоду, но каждый так зарабатывает себе на жизнь» (цит. по: [История..., 1999. С. 318]).

В отличие от КНР, в нашей стране не существует традиции изучения литературы тех или иных регионов Китая, поэтому мы взяли на себя смелость сделать это первыми, выделив для исследования Северо-Восточный Китай (другие названия – Маньчжурия, Дунбэй, включающий в себя провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин).

Необходимо уточнить, что, говоря о региональной литературе, мы имеем в виду обладающую ярко выраженными региональными особенностями национальную китайскую литературу, в которой соединяющей скрепой является общий для литератур разных регионов язык, на котором создается литература, – китайский язык

В последнее десятилетие в КНР набирает силу процесс самоидентификации провинций, который основывается на существующих между ними культурно-исторических различиях. Каждая провинция стремится продемонстрировать присущие ей специфические достижения. Открываются музеи, реставрируются исторические памятники, проводятся исследования в области краеведения, создаются художественные произведения, посвященные выдающимся событиям и людям провинции. Государство создает проекты регионального развития экономики, в числе которых заметное место занимает Проект возрождения Северо-Востока Китая, обнародованный 2 августа 2007 г.

Процесс самоидентификации провинций затрагивает политическую проблему взаимоотношений центра и регионов. В Китае всегда были сильны представления о том, что дезинтеграция или отсутствие единства и хаос опасны для центральной власти. Но история показала, что хаос может наступить и в результате усилий центра и по его повелению, как это случилось в годы «культурной революции» [Lary, 1997. P. 184]. И напротив, отсутствие сильного политического контроля со стороны центра необязательно приводит к упадку страны. Так, династия Сун (X–XIII вв.) с точки зрения степени политического контроля едва ли может быть отнесена к сильным династиям, однако именно этот период вошел в историю Китая как очень плодотворный в развитии художественной культуры и философии. То же можно сказать о 20–30-х гг. XX в., когда в стране не было сильного центрального правительства, а национальная культура явила миру замечательные и разнообразные достижения.

Кроме проблемы взаимоотношения регионов и центра, изучаемый нами вопрос важен с точки зрения определения национальной идентичности. Как считают исследователи, именно «локальное» и «региональное» сейчас рассматриваются как более предпочтительные категории для определения культурной идентичности по сравнению с категориями «нация» и «государство» [Oakes, 2000. P. 670]. Определение места регионального в национальном становится актуальной проблемой современного мира, рассматриваемой с различных сторон.

Очевидно, что при изучении мировой культуры методологической основой должна служить диалектика общего, единичного и особенного, поскольку конкретизация общих для всего человечества черт культуры происходит в национально специфических вариациях культуры каждого региона. Художественная культура должна быть рассмотрена как особенное на пути от культуры в ее целостном бытии искусства к уникальному предмету культуры. Тогда, обратившись к конкретному изучению национальных образов единого мира и оперируя названными выше философскими категориями, мы заметим, что цивилизация – это общее, культура – единичное, интернациональное – это общее, национальное – единичное. Локальное, региональное в этой системе координат занимает место особенного, сочетающего в себе элементы интернационального и национального (см.: [Гачев, 1995; 1998]).

Касаясь методики определения особенного, в данном контексте – региональной специфики, стоит обратить внимание на замечание В. В. Набокова: «Немало скороспелых похвал порождено было местным колоритом, а местный колорит быстро выцветает. Я никогда не разделял мнения тех, кому нравятся книги только за то, что они написаны на диалекте, или за то, что действие в них происходит в экзотических странах» [Набоков, 1999. С. 52]. Таким образом, следует избегать опасности увлечения внешним, несущественным, стремиться найти существенные проявления своеобразия региона. При этом категорию «регион» определим как «область, район, часть страны, отличающуюся от других областей совокупностью естественных и исторически сложившихся, относительно устойчивых экономико-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения» [Гладких, Чистобаев, 2000. С. 22].

Г. Д. Гачев среди определяющих специфику факторов первым называл природу, которая формирует и последующий род труда, и образ мира. Он писал: «Национальный образ мира есть диктат национальной природы в культуре» [Гачев, 1995. С. 24]. Именно здесь, в земле, в почве, в широком смысле этого слова, коренится и образный мир литературы. В этой связи интересно проследить некоторые исторические параллели.

В античной мифологии существовало понятие *genius loci* (гений места), под которым подразумевался дух – покровитель данной местности, который изображался в виде змея. В те времена каждый человек, семья, дом, город, даже народ, вместе взятый, имел таких покровителей. Особо отметим, что гений места осуществлял связь интеллектуальных, духовных, эмоциональных проявлений человеческой личности со средой его обитания.

В китайской традиции также есть сопоставимое понятие «*туди шэнь*» (土地神) (дух земли), тесно связанное с культом земли. До сих пор в некоторых районах сохранился древний праздник – день рождения духа земли (社日). Через божество Хоу-ту осуществлялась связь с культом почитания «духа земли» [Ткаченко, 1999. С. 125–126]. Культ Хоу-ту имел широкое распространение на разных уровнях социальной лестницы и в разных местностях. Он не был связан с образом конкретного божественного персонажа, являясь скорее сакрализацией самой стихии земли и ее плодородности [Кравцова, 1999. С. 138].

По мере развития и укрепления государственности в Китае духи-покровители местности все больше связывались с идеей государственной власти и выдающимися чиновниками – уроженцами данных мест. Появились *чэн-хуаны* (城皇), божественные двойники правителей административных территорий, которые должны были оберегать данную местность. В эпоху Тан (VII–X вв.) им в помощь были приданы *туди-гуны* (土地宫), локальные божества – администраторы [Малявин, 2000. С. 232–233].

Итак, китайское божество местности, являясь таким же охранителем и защитником, как и у античных народов, и изначально неся в себе всю животворную потенцию Матери-земли, подверглось модификации со стороны рационального конфуцианства и со временем стало выступать в большей степени функционером государства, нежели вдохновителем художественного творчества.

Однако это не помешало китайской культуре на протяжении всей истории своего существования развивать и усиливать региональное своеобразие. Академик В. М. Алексеев отмечал, что «китайская культура, как и всякая другая, слагалась из наслоения очень многих культур, как национальных местных, так и иноземных, хотя основы ее... почти исключительно национального, китайского же происхождения» [1958. С. 190]. Следовательно, при доминирующей роли ханьской культуры китайская культура никогда не была целостной, она являла собой объединение большого числа региональных культур, появление которых было вызвано причинами естественного, социального и исторического характера.

Факторы, стимулирующие региональную разобщенность, являются культурологической универсалией. Если уточнить это суждение на примере Северо-Восточного Китая, то следует выделить следующие позиции:

- 1) географическое положение;
- 2) плотность населения;
- 3) структура экономики и способ производства;
- 4) межнациональные, языковые и диалектические различия;
- 5) специфика быта и психологии людей, социально-семейный уклад.

В самом деле, в регионе постоянно имело место присутствие и столкновение английских, японских и российских интересов, что было связано со стратегическими и экономическими выгодами, следовавшими из географического положения Маньчжурии. В конце XIX в. заметно усилилось влияние России. Однако после окончания русско-японской войны 1904–1905 гг. позиции России в этом регионе были поколеблены, а Маньчжурия поделена на сферы влияния: Север находился под влиянием России, Юг – Японии.

Кроме того, наличие общей границы с Россией и Кореей, близость Японии и Монголии позволяют характеризовать Северо-Восточный Китай как маргинальную (переходную) зону с происходящей в ней рубежной коммуникативностью, с которой «тесно ассоциируется понятие рубежной энергетики. Принято считать, что именно маргинальные зоны несовпадающих природных, экономических, этнокультурных, информационных и других полей служат источником энергетических импульсов. Нетрудно видеть, что рубежная энергетика имеет непосредственное отношение к эмоционально-чувственной сфере и, таким образом, может быть не только стратегическим ресурсом материального развития, но и ресурсом духовного возрождения социума, этноса, государства» [Гладких, Чистобаев, 2000. С. 52]. Являясь мар-

гинальной зоной, Северо-Восточный Китай обладал дополнительным специфическим энергетическим потенциалом, который позволял региону успешно отвечать на вызовы времени.

Отмена в 1878 г. всех ограничений на переселение китайцев в Маньчжурию, начало строительства в 1897 г. КВЖД дали импульс новому этапу китайской колонизации региона, особенно его северной части, выходцами из Шаньдуна и Чжили. Промышленное развитие региона было более поздним по сравнению с другими районами страны. Имели место малый удельный вес фабрично-заводского пролетариата и его крайне неравномерное географическое распределение, высокий удельный вес сезонных и временных рабочих, сохранивших связи с деревней, низкий уровень классового самосознания, большой процент женского и детского труда в обрабатывающей промышленности [История..., 1989. С. 67]. Эти факторы определяли образ жизни, формировали психологический тип жителя этого района.

Процессы по формированию облика региона, происходившие в Дунбэе, имели диалектический характер. При том, что уже к концу XIX в. в Маньчжурии по численности китайское население во много раз превышало аборигенное, преобладал китайский язык, а государственное управление принимало общекитайский характер, культура Северо-Восточного Китая представляла собой сложный конгломерат, в котором переплетались различные национальные традиции: собственно ханьская, маньчжурская, монгольская, корейская, традиции других народностей, населявших Маньчжурию. В начале XX в. регион, как и вся страна, испытывал мощное воздействие культуры Запада. Китайская культура критически перерабатывала и осваивала многочисленные западные философские и эстетические течения. Важное место занимало то влияние, которое оказывала русская культура. Свою роль сыграло строительство КВЖД, исход из революционной России большого числа эмигрантов и связанное с этим появление в Маньчжурии значительной русской колонии.

Исторической особенностью региона явилось то, что в первой половине XX в. он стал своего рода испытательным полигоном для всей страны. Здесь начинались некоторые процессы и явления, которые позже распространялись по всему Китаю. Это, во-первых, японская агрессия против китайского народа, начавшаяся на Северо-Востоке в 1931 г., во-вторых, аграрная реформа и восстановление разрушенной промышленности после освобождения региона. Эти обстоятельства во многом определили темы в дунбэйской литературе, которые стали пионерскими для всей китайской литературы новейшего периода: сопротивление японским захватчикам, проведение аграрной реформы, становление в новых условиях рабочего класса. Писатели на этом материале старались показать пробуждение национального самосознания народа, личного достоинства человека, не пожелавшего стать рабом.

Вопросы, которые ставили в своих произведениях литераторы Северо-Востока, близки к проблематике общенациональной литературы «4 мая 1919 г.». Борьба старого и нового в китайском обществе сосредоточилась на критике феодальных и конфуцианских норм во всех сферах жизни: в общественных отношениях, в семье, в образовании, в отношениях между мужчиной и женщиной. Героями произведений новой литературы стал «маленький человек» с его большими проблемами. Крестьяне, ремесленники, рабочие, мелкие чиновники, учителя, рикши, солдаты, женщины и дети заговорили языком дунбэйских деревень, маленьких городков и провинциальных центров, поскольку древнекитайский язык взънянь уступил свои позиции новому письменному языку, близкому разговорному байхуа.

Отметим, что на формировании эстетического уровня литературных произведений не мог не отразиться распространенный в Дунбэе северный диалект [Софронов, 1979. С. 47, 49], который китайские исследователи именуют северо-восточным диалектом [Краткий словарь..., 1988. С. 1].

Региональная специфика проявлялась в функционировании в литературных произведениях хронотопов, понимаемых, по М. Н. Бахтину, как существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [Бахтин, 2000. С. 9]. В литературно-художественном хронотопе пространственные и временные приметы сливаются в конкретном целом. Приметы времени раскрываются в пространстве, пространство осмысливается и измеряется временем. Таким образом, воплощение конкретных пространственно-временных реалий, через призму которых автор смотрит на окружающий мир, и является выявлением сущностных региональных особенностей.

Среди основных хронотопов в произведениях писателей Северо-Востока можно выделить следующие.

1. Дорога, по которой проходит сражающийся с японцами отряд (роман Сяо Цзюня «Деревня в августе» (《八月的乡村》)).
2. Крестьянское поле (повесть Сяо Хун «Поле жизни и смерти» (《生死场》)).
3. Хтоническая мощь матери – земли (романы Дуаньму Хунляна «Степь Хорчинского аймака» (《科尔沁旗草原》) и «Земляное море» (《大地的海》)).
4. Три хронотопа – локатива: девственный лес, долина Лангоу и город Наньманьчжан (роман Лян Шаньдина (梁山丁) «Зеленая долина» (《绿色的谷》)).

Во время антияпонской войны многие писатели Северо-Восточного Китая провели некоторое время в освобожденном районе Яньань, где прошли через горнило идеологической обработки и подверглись воздействию эстетической доктрины Мао Цзэдуна. После освобождения Маньчжурии многих из них были направлены в родные края проводниками идей КПК для осуществления аграрной реформы. Личное участие в кардинальных переменах, активная жизненная позиция, искренняя вера в коммунистические идеалы, понимаемые как всеобщее равенство и справедливость, литературная одаренность позволили наиболее талантливым из них создать произведения, ставшие в этот период своеобразным знаменем не только литературы Северо-Востока, но и всего нового Китая. К ним можно отнести роман Чжоу Либо (周立波) «Ураган» (《暴风骤雨》), повесть Ма Цзя (马加) «Десять дней в деревне Цзяншань» (《江山村十日》), повесть Цао Мин (草明) «Движущая сила» (《原动力》).

Другой особенностью можно считать формирование у молодых писателей Северо-Востока под влиянием сложного комплекса взаимодействующих в регионе культур своего собственного, отличного от других арсенала художественных средств. Так, стоит говорить о наличии элементов «потока сознания» и поисках других новых средств в области формы в прозе Сяо Хун и Дуаньму Хунляна, о влиянии романа «Разгром» А. Фадеева и повести «Железный поток» А. Серафимовича на формирование художественного мастерства Сяо Цзюня в построении сюжета, системы образов, способов описания героев и природы. Чжоу Либо в «Урагане» и Цао Мин в «Движущей силе» активно улавливали и использовали творческие импульсы известных им романов «Поднятая целина» М. Шолохова и «Цемент» Ф. Гладкова.

Все перечисленные особенности в совокупности и определили художественное своеобразие прозы Северо-Восточного Китая первой половины XX в., которая являла собой художественный синтез общенациональных тенденций и региональных особенностей, обусловленных географическими, этническими, историческими и социально-экономическими факторами развития данного региона.

Список литературы

- Алексеев В. М.* В старом Китае. Дневники путешествия 1907 года. М., 1958.
- Бахтин М. М.* Эпос и роман. СПб., 2000. 304 с.
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. М., 1995. 480 с.
- Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. М., 1998. 430 с.
- Гладких Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение. М., 2000. 384 с.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв.* Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917–1949 гг. Владивосток, 1989. 350 с.
- Кравцова М. Е.* История Культуры Китая. СПб., 1999. 416 с.
- Малявин В. В.* Китайская цивилизация. М., 2000. 632 с.
- Набоков В. В.* Лекции по русской литературе. М., 1999. 440 с.
- Серебряков Е. А., Родионов А. А., Родионова О. П.* Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э. – начало XXI в.): имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе. М., 2005. 333 с.
- Софронов М. В.* Китайский язык и китайское общество. М., 1979. 312 с.
- Ткаченко Г. А.* Культура Китая: словарь-справочник. М., 1999. 384 с.

Lary D. Regions and Nations: the Present Situation in China in Historical Context // Pacific Affairs. Vancouver, 1997. Vol. 70. No. 2. P. 181–194.

Oakes T. China's Provincial Identities: Reviving Regionalism and Reinventing «Chineseness» // The Journal of Asian Studies. 2000. No. 3. P. 667–692.

Два берега китайской литературы XX века [二十世纪中国两岸文学史]. Шэньян, 1988. 817 с.

История современной китайской литературы [中国现代文学史]. Пекин, 1988. Т. 2. 449 с.

История современной китайской литературы [中国现代文学史]. Чанша, 1999. 679 с.

История современной литературы Северо-Востока [东北现代文学史]. Шэньян, 1989. 307 с.

История современной литературы Северо-Востока [东北现代文学史论]. Шэньян, 1996. 361 с.

Краткий словарь северо-восточного диалекта китайского языка [简明东北方言词典]. Шэньян, 1988. 557 с.

Хуан Сюи. История развития современной китайской литературы [黄修己. 中国现代文学发展史]. Пекин, 2003. 654 с.

Материал поступил в редколлегию 23.04 2009

Natalia A. Lebedeva

**CHINESE LITERATURE REGIONAL ORIGINALITIES
(BY THE EXAMPLE OF THE NORTH EASTERN CHINA PROSE, 1919–1949)**

The literature of the North Eastern China is an integral part of the XX century Chinese literature, combining features of regional originality, and reflecting basic trends of national literature development.

The factors which have determined features of regional culture are geographical position, population density, economical structure and manufacture way, interethnic, language and dialectic distinctions, life specificity and people psychology, style of family life. The literature of North Eastern China is characterized by originality in ideas and aesthetics that is embodied in creative works of Xiao Jun, Xiao Hong, Duanmu Hongliang, Shu Qun, Lo Bingji, Bai Lang et al.

Keywords: regional specificities, dialectics of the general, individual and especial categories, chronotop, history of Chinese prose.